

**Трудовая миграция в Россию  
(на примере московского региона):  
уехать нельзя остаться**

Юлия Фридриховна Флоринская  
([florinskaya-yf@ranepa.ru](mailto:florinskaya-yf@ranepa.ru)), Российская академия  
народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте  
Российской Федерации, Россия.

**Labor migration to Russia  
(using the example of the Moscow  
region): you can't leave and stay**

Yulia Florinskaya  
([florinskaya-yf@ranepa.ru](mailto:florinskaya-yf@ranepa.ru)), The Russian  
Presidential Academy of National Economy and  
Public Administration  
(The Presidential Academy, RANEPА), Russia.

**Резюме:** После окончания пандемии COVID-19 и снятия въездных ограничений ожидался рост трудовой миграции в Россию с постепенным возвратом к ее допандемийным объемам. Однако начавшийся в феврале 2022 г. вооруженный конфликт с Украиной, последовавшее введение санкций, падение рубля, турбулентность на рынке труда приостановили начавшийся процесс роста. В то же время не произошло и массового оттока трудовых мигрантов из страны, в том числе потому, что мигранты из стран Средней Азии, ставшие к этому моменту основными поставщиками рабочей силы, пока, по-видимому, не нашли серьезной альтернативы российскому рынку труда.

Трудовые мигранты продолжают работать в России и в 2023 г., однако скудная публикуемая миграционная статистика не позволяет делать прогнозов о развитии ситуации. Для получения дополнительной информации о нынешнем положении мигрантов на российском рынке труда и их ближайших планах на работу в России, ИНСАП РАНХиГС провел два опроса трудовых мигрантов в московском регионе, где работают более 40% иностранных граждан, в марте 2022 г. и марте 2023 г. Большинство опрошенных трудовых мигрантов на тот момент довольно позитивно оценивает свое текущее положение на рынке труда в России и не поменяло своих планов в связи с происходящими событиями. С другой стороны, в ответах на многие вопросы проявляется наличие заметной категории тех, кто не может определенно оценить перспективы своей работы в России в текущей ситуации. Также в 2023 г. определенно снизилась доля желающих стать постоянными жителями России и получить здесь долгосрочные статусы, что подтверждается данными статистики.

**Ключевые слова:** трудовые мигранты, московский регион, рынок труда, миграционные планы, неофициальная занятость.

**Финансирование:** Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

**Для цитирования:** Флоринская Ю.Ф. (2023). Трудовая миграция в Россию (на примере московского региона): уехать нельзя остаться. Демографическое обозрение, 10(4), 69-85.  
<https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18809>

**Abstract:** After the end of the COVID-19 pandemic and the lifting of entry restrictions, an increase in labor migration to Russia was expected, with a gradual return to its pre-pandemic volumes. However, the armed conflict with Ukraine that began in February 2022, the subsequent imposition of sanctions, the fall of the ruble, and turbulence in the labor market suspended the growth process that had begun. At the same time, there was no mass outflow of labor migrants from the country, in part because migrants from Central Asian countries, who by this time had become the main suppliers of labor, have not yet apparently found a serious alternative to the Russian labor market.

Labor migrants continue to work in Russia in 2023, yet the scarce published migration statistics provide no basis for forecasts about the situation's future development. To get more information about the current situation of migrants in the Russian labor market and their immediate plans to work in Russia, INSAP RANEPА conducted two surveys of migrant workers in the Moscow region, where more than 40% of foreign citizens work, in March 2022 and March 2023. The majority of the surveyed migrant workers have a fairly positive assessment of their current position on the labor market in Russia and have not changed their plans in connection with the events taking place. On the other hand, the answers to many questions reveal the presence of a noticeable category of those who cannot definitively assess their work prospects in Russia. Also in 2023, the share of those wishing to become permanent residents of Russia and obtain a temporary residence permit, residence permit, or citizenship here has definitely decreased, which is confirmed by statistics.

**Keywords:** labor migrants, Moscow region, labor market, migration intentions, illegal employment.

**Funding:** *The article was supported as part of the research work within the RANEPА state assignment.*

**For citation:** *Florinskaya Y. (2023). Labor migration to Russia (using the example of the Moscow region): you can't leave and stay. Demographic Review, 10(4), 69-85. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18809>*

## Введение

Трудовая миграция в Россию в последнее десятилетие неоднократно оказывалась под сильнейшим воздействием резко меняющихся обстоятельств, внешних факторов как экономической, так и институциональной природы. В начале обсуждаемого десятилетия, в 2013-2014 гг., объемы иностранной трудовой миграции находились на максимальном уровне, достигая, по оценкам, 6-7 млн человек в год (Чудиновских и др. 2013; Захаров 2016), при этом от 3 до 3,7 млн иностранцев ежегодно оформляли официальные документы для работы в России (Флоринская и др. 2015; Захаров 2016). Однако уже с начала 2015 г. на фоне полномасштабного экономического кризиса (Авраамова и др. 2015), сопровождаемого также кардинальными изменениями миграционного законодательства (главным образом, в сторону ужесточения правил и удорожания стоимости выхода на рынок труда), трудовая миграция в Россию заметно сократилась (примерно на 10-15%), особенно ее официальная составляющая, – число оформленных документов для работы в 2015 г. по сравнению с 2014 г. уменьшилось почти в 2 раза (Синельников-Мурылев 2016). В 2016-2019 гг. происходило постепенное «привыкание» трудовых мигрантов к новым экономическим условиям и новым миграционным правилам. Каждый год численность трудовых мигрантов <sup>1</sup> росла примерно на 5%, более быстрыми темпами увеличивалась численность мигрантов из стран – членов ЕАЭС, особенно Киргизии, так как они получили право работать в России без разрешительных документов; росло и число вновь оформляемых документов для работы; вклад трудовых мигрантов в региональные бюджеты за счет ежемесячной оплаты патентов вырос до 60 млрд руб. с 33 млрд в 2015 г. (Кудрин 2020).

Однако в 2020 г. начался следующий экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, оказавший непосредственное влияние на российский рынок труда (Капелюшников 2022) и, соответственно, снизивший спрос на труд мигрантов. Помимо этого, трудовую миграцию значительно ограничило закрытие границ России и посылающих стран, а также девальвация рубля. Начавшая нормализоваться ситуация вновь ухудшилась, численность трудовых мигрантов сократилась за 2020 г. как минимум на четверть (Florinskaya, Mkrtchyan 2021); в первой половине 2021 г. трудовая миграция продолжала быть на низком уровне, хотя продление сроков пребывания и срока действия документов для мигрантов в России <sup>2</sup> способствовали активному выходу трудовых мигрантов «из тени»: численность оформленных в 2021 г. документов для работы превысила показатели 2015-2020 гг., хотя и не достигла уровня 2014 г. (Кудрин 2022) <sup>3</sup>.

Постепенное снятие ограничений на передвижение к концу 2021 г. способствовало начавшемуся плавному росту потока трудовых мигрантов в Россию, в первом квартале 2022 г. рост оказался еще более заметным. Эксперты ожидали дальнейшего роста трудовой миграции в Россию после окончания пандемии и быстрого восстановления ее допандемийных объемов в силу образовавшегося «навеса» желающих работать в РФ

---

<sup>1</sup> С 2014 г. указание цели въезда «работа» в миграционной карте стало обязательным для дальнейшего оформления документов для работы в России; соответственно, с 2015 г. можно было более точно оценивать численность трудовых мигрантов как тех, кто эту цель на границе указывал.

<sup>2</sup> Указ Президента РФ от 15 июня 2021 г. № 364 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

<sup>3</sup> Данные ФСБ РФ. <https://fedstat.ru/indicator/38479>

мигрантов (Денисенко, Мукомель 2020). Первый квартал 2022 г. действительно продемонстрировал существенный рост: въезд в Россию с целью работы в I квартале 2022 г. составил 842 тыс. человек, что более чем в 4 раза превысило данные I квартала 2021 г. Однако тенденция роста вновь оказалась прервана новым кризисом в России, вызванным военно-политическими событиями февраля 2022 г., с последующим введением санкций, падением рубля, неопределенностью на рынке труда (Ляшок 2022). В результате ожидаемый масштабный рост трудовой миграции не состоялся, хотя и заметного падения ее также не наблюдалось: на конец 2021 г. в РФ пребывало 1,99 млн иностранцев с действительными документами для работы (патентами и разрешениями на работу), на конец 2022 г. – 1,94 млн, на конец I кв. 2023 г. – также 1,94 млн<sup>4</sup>. Мигранты из стран Средней Азии, ставшие к этому моменту основными поставщиками рабочей силы в РФ (более 80% трудовых мигрантов в РФ в настоящее время – выходцы из трех стран Средней Азии – Узбекистана, Таджикистана и Киргизии), пока, по-видимому, не нашли серьезной альтернативы российскому рынку труда. В то же время сегментированные статистические данные (к тому же мало сопоставимые с прошлыми периодами, так как ГУВМ МВД РФ, например, постоянно меняет статистический и сущностный смысл публикуемых показателей по миграционному учету по целям пребывания) не позволяют пока прогнозировать, что ждет трудовую миграцию даже в ближайшем будущем. Мы посчитали важным проанализировать существующую миграционную статистику, сопоставив ее с мнением самих трудовых мигрантов, продолжающих приезжать в Россию на работу.

## Данные и методы

Как отмечали ранее российские исследователи, отсутствие базовой статистической информации о мигрантах различных категорий в России не позволяет однозначно судить о репрезентативности проводимых количественных опросов (Ларин 2009; Мукомель 2017; 2020; Poletaev 2021). Основная часть исследователей компенсирует данный недостаток опросами большого числа респондентов (Варшавская, Денисенко 2014; Денисенко, Мукомель 2020). Такие опросы чаще всего проводятся в различных регионах по целевой выборке с квотированием по странам происхождения, а иногда по полу и секторам занятости (квоты формируются, исходя из данных официальной статистики и экспертных корректировок) (Зайончковская 2010; Тюрюканова 2011; Мукомель 2022). Однако некоторые исследователи обходятся сравнительно небольшой выборкой, позволяющей тем не менее получать новые знания, но по ограниченному спектру вопросов. Такие работы могут быть посвящены, например, исследованию мигрантов – выходцев из какой-то одной страны или региона (опросы мигрантов – выходцев с Памира в Москве, объем выборки 300 и 500 человек (Флоринская 2013)) или изучению проблем, характерных для определенных социально-демографических групп мигрантов (опрос женщин-мигрантов в возрасте от 18 до 40 лет из стран Средней Азии в Москве, объем выборки 224 человека (Агаджанян, Зотова 2011)), или выявлению взглядов одной из групп акторов трудовой миграции (опрос российских работодателей, объем выборки 473 человека (Рязанцев, Кашепов 2021)).

Материал, послуживший основой данной статьи, был получен в ходе опросов, проведенных ИНСАП РАНХиГС в Многофункциональном миграционном центре Сахарово

---

<sup>4</sup> Данные ГУВМ МВД России. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/37990234/>  
Дата обращения 20.07.2023

(ММЦ Сахарово) в марте 2022 г. и марте 2023 г. по одной и той же анкете в одних и тех же обстоятельствах (на выходе из ММЦ после подачи или получения различных миграционных документов). Всего было получено 443 заполненных анкеты. Принцип построения выборки в обоих случаях – неслучайная потоковая выборка. Полученные небольшие выборки, безусловно, не претендуют на репрезентативность на уровне генеральной совокупности трудовых мигрантов в России, однако дают уникальную возможность узнать об актуальных миграционных планах трудовых мигрантов, работающих в московском регионе в период экономической нестабильности, и их оценках своего текущего положения на рынке труда Москвы и области.

Стоит отметить, что московский регион уже много лет является ведущим по численности иностранных трудовых мигрантов в России: в московской агломерации ежегодно были заняты более 40% всех иностранных трудовых мигрантов (Захаров 2022). В частности, официальная статистика ГУВМ МВД РФ<sup>5</sup> показывает, что в 2021 г. в Москве и области было оформлено более 992 тыс. документов для работы (патентов и разрешений на работу – РНР), что составило 43% от всех оформленных в России документов; в 2022 г. число оформленных в Москве и области документов превысило 888 тыс., что составило более 41% от всех оформленных трудовыми мигрантами в России документов. Похожие доли вклада московского региона в общероссийскую трудовую миграцию дает анализ статистики всех категорий трудовых мигрантов, поставленных на миграционный учет с целью работы (данные включают не только тех, кто оформляет патент или РНР, но и всех мигрантов из ЕАЭС, имеющих право работать без разрешительных документов): в 2021 г. доля московского региона составила 42%, в 2022 г. – 41%.

Поскольку опрос проводили в ММЦ Сахарово, куда мигранты приезжают оформлять документы, то основное смещение выборок – в преобладании иностранных граждан, стремящихся тем или иным образом урегулировать свой правовой статус в России; мигранты, полностью находящиеся «в тени», в наши опросы не попали. Однако оговоримся, что численность тех, кто не может миновать ММЦ Сахарово, работая в России, весьма существенна и точно превышает миллион человек: помимо тех, кто оформляет патенты и РНР, это еще и как минимум все те, кто заключает официальные договоры с российскими работодателями без разрешительных документов – они приезжают в Сахарово проходить биометрию и на медосмотр. В 2022 г., например, работодатели прислали в миграционный орган почти 344 тыс. уведомлений о заключении трудового договора или гражданско-правового договора с иностранными гражданами и лицами без гражданства (ИГ и ЛБГ), осуществляющими трудовую деятельность в Москве и области без РНР. Среди других смещений – большая представленность в обеих выборках мигрантов, неплохо говорящих по-русски (другие отказывались от общения с интервьюерами, которое проходило только на русском языке), а также повышенная представленность мигрантов из Таджикистана (таблица 1) – выше, чем выходцев из Узбекистана, которые по численности среди трудовых мигрантов в России устойчиво занимают первое место<sup>6</sup>.

---

<sup>5</sup> <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya>. Дата обращения 16.11.2023 г.

<sup>6</sup> Данные ГУВМ МВД России. <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/37990234/>. Дата обращения 24.07.2023. В то же время у нас нет данных о доле посылающих стран конкретно в московском регионе; возможно, именно здесь доля мигрантов из Таджикистана выше, чем из Узбекистана.

**Таблица 1. Из какой страны Вы приехали в Россию?**

Страна	2022		2023	
	человек	%	человек	%
Узбекистан	58	25,2	74	34,7
Таджикистан	96	41,7	104	48,8
Киргизия	45	19,6	17	8,0
Украина	9	3,9	0	0
Туркмения	2	0,9	0	0
Армения	7	3,0	8	3,8
Азербайджан	1	0,4	6	2,8
Казахстан	5	2,2	3	1,4
Молдавия	5	2,2	1	0,5
Другая	2	0,9	0	0
Всего	230	100,0	213	100

Приведем некоторые характеристики респондентов, попавших в две волны опроса. Средний возраст – 35 лет (и по опросу 2022 г., и 2023 г.), медиана – 33 года (34 года – в 2023 г.). Среди респондентов ожидаемо преобладают мужчины – 77%, женщин меньше четверти – 23% (как в 2022 г., так и в 2023 г.), что очень близко к распределению по полу встающих на миграционный учет трудовых мигрантов (Florinskaya 2022). По месту проживания на родине опрошенные мигранты поделились на три близкие по размеру группы: 34% (39% в 2023 г.) проживали в столице или крупном городе, 35% (33%) – в малом или среднем городе, 31% (27%) – в селе. Гражданство мигрантов и страна выезда у респондентов совпадают.

25% (26%) опрошенных имели высшее и незаконченное высшее образование; 28% (31%) – среднее специальное; 42% (41%) – среднее общее. 71% (77%) состоят в браке, в том числе не оформленном официально; 27% (20%) холостые; 3% (3%) вдовы и разведенные. У половины опрошенных (57% в опросе 2023 г.) есть дети до 18 лет. Однако большинство не привозит их с собой в Россию: только 10% (9%) от всех респондентов (или 16% от имеющих таких детей) заявили, что находятся в России с ними. Таким образом, наши опросы подтвердили ранее полученные выводы, что подавляющее большинство трудовых мигрантов не привозит в Россию своих детей дошкольного и школьного возраста (Флоринская 2012; Варшавер и др. 2014; Деминцева, Пешкова 2014; Demintseva 2017,) а заявления о растущей нагрузке на российские образовательные учреждения, с которыми периодически выступают официальные лица<sup>7</sup>, следует принимать с оговорками.

Как было сказано выше, нас в основном интересовали изменения в положении мигрантов на российском рынке труда и их дальнейшие планы по работе в России, в частности, в московском регионе, поэтому из полученных массивов были отобраны ответы именно трудовых мигрантов. В качестве критерия отбора трудовых мигрантов использовали ответ на вопрос о цели визита в Россию, указанный в миграционной карте. 90% респондентов в опросе 2022 г. и 95% в опросе 2023 г. указали цель «работа», т. е. могут быть гарантированно отнесены к категории трудовых мигрантов. Возможно, в опрос 2023 г. могли также попасть несколько человек, въехавших в Россию с другой целью, но потом поменявших ее на «работу» уже на российской территории (такая возможность появилась

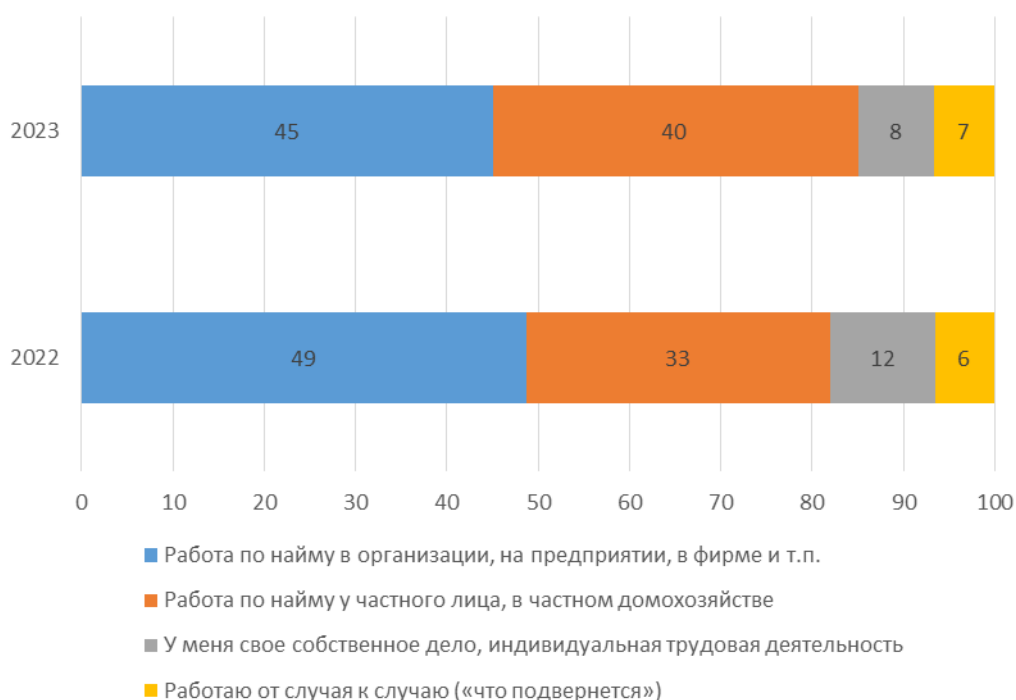
<sup>7</sup> <https://www.pnp.ru/social/fadeev-dopustil-vvedenie-kvot-dlya-detey-migrantov-v-shkolakh.html>

в миграционном законодательстве с середины 2022 г.<sup>8</sup>). Фактически эти люди также являются трудовыми мигрантами, однако мы не можем утверждать это гарантированно, так как специальный вопрос на этот счет не задавался.

## Результаты

Более трех четвертей трудовых мигрантов уже работали в России на момент опроса 2022 г. и 89% – на момент опроса в 2023 г. Большинство (почти половина) было занято по найму у юридических лиц (рисунок 1), на втором месте по распространенности – работа по найму у частных лиц; лишь около 10% имели собственное дело. Похожее распределение было получено для категории иностранных граждан (не имеющих гражданства РФ) в работе (Литовченко, Чудиновских 2022), анализирующей микроданные «Выборочного наблюдения труда мигрантов», проведенного Росстатом в 2019 г.

**Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос: «Что представляет собой Ваша работа?», %**



Источник: Расчеты автора.

Примечание: N=156 (2022 г.); N=180 (2023 г.).

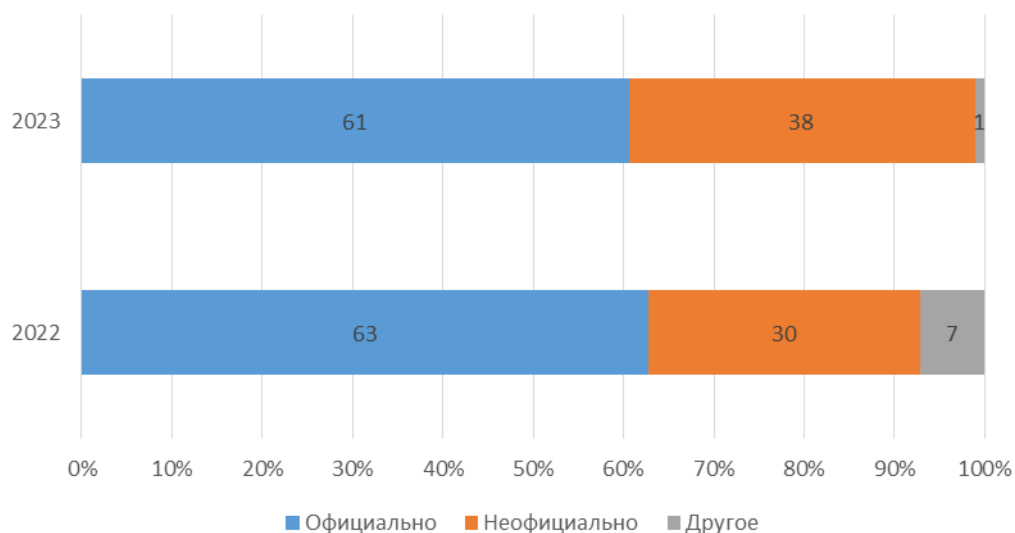
Официальное трудоустройство продолжает лидировать среди опрошенных трудовых мигрантов<sup>9</sup> (больше 60% выбрали этот ответ) (рисунок 2). Среди ответивших «Другое» были те, кто ожидает перехода в официальную занятость после оформления патента – «пока нет, но после патента будет официально»; те, кто не знает точно, как оформлен на работе, или договоренности с работодателем меняются со временем;

<sup>8</sup> Федеральный закон 357-ФЗ от 14 июля 2022 г.

<sup>9</sup> Хотя и эти показатели могут быть завышены, так как значительная часть из пришедших в ММЦ еще находилась в процессе оформления документов для трудоустройства (например, патента), а значит, могла говорить только о договоренности об официальной занятости, а не реальном факте.

самозанятые (вероятно, без оформления статуса) – например, «крановщик, собственная машина»; упоминался и обман при оформлении: «сказали официально, а договор ненастоящий».

**Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы оформлены на работе?», %**



Источник: Расчеты автора.

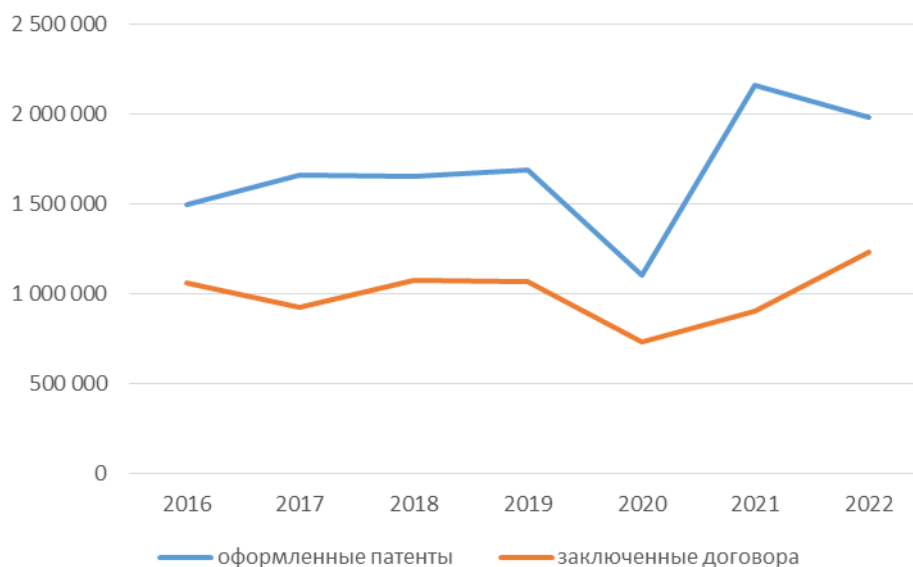
Примечание: N=156 (2022 г.); N=180 (2023 г.).

Подчеркнем, что столь значительная доля оформленных неофициально получена в опросах тех мигрантов, кто исходно приехал в ММЦ с целью оформления документов для работы (патента и разрешения на работу) или прохождения медосмотра и дактилоскопии, также необходимых для трудоустройства, в том числе мигрантам из стран – членов ЕАЭС (в общей сложности с данными целями в ММЦ прибыло 95% среди респондентов – трудовых мигрантов в 2022 г. и 94% в 2023 г.). Таким образом, опросы показывают, что выполняющих все официальные процедуры для трудоустройства мигрантов существенно больше, чем желающих оформить их официально российских работодателей. Ответы респондентов отчасти подтверждаются официальной статистикой ГУВМ МВД РФ, например, об этом факте говорит соотношение числа оформленных патентов за период и числа уведомлений, присланных работодателями в миграционные органы о заключении всех видов договоров с мигрантами с патентами; причем такая ситуация сохраняется на протяжении довольно длительного времени, в том числе до пандемии и после ее окончания (рисунки 3, 4). Мы видим сохраняющийся разрыв между двумя показателями, причем в московском регионе он заметно больше, чем по России в целом<sup>10</sup>.

<sup>10</sup> В реальности доля имеющих официальные договоры среди вновь оформивших патенты может быть еще ниже, так как работодатели могли заключать в течение года несколько договоров с одним и тем же мигрантом. Также стоит учесть, что какая-то часть трудовых мигрантов работает в домохозяйствах, а физлица крайне редко заключают официальные договоры с мигрантами и посылают уведомления об их найме.

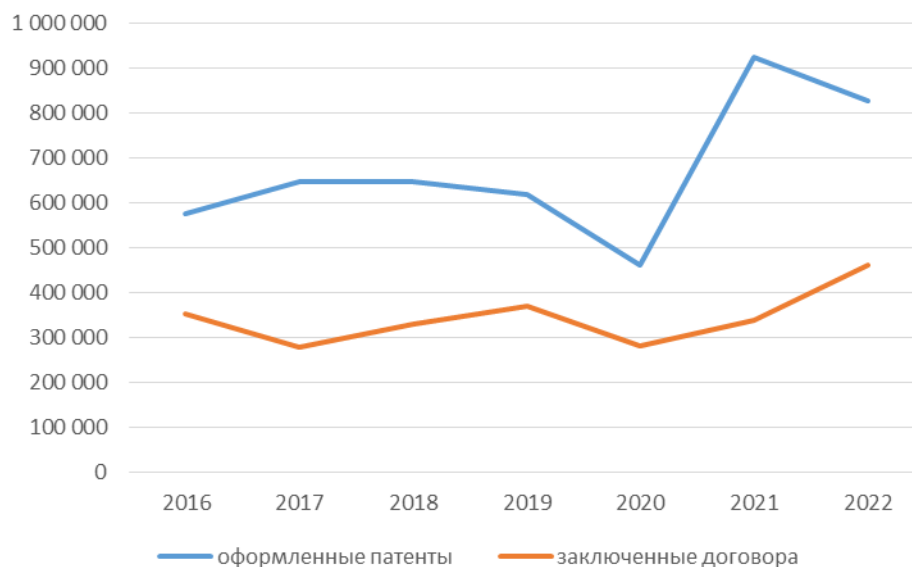


**Рисунок 3. Число иностранных граждан, оформивших патенты (человек) и число уведомлений о заключении трудового договора или гражданско-правового договора с ИГ, осуществляющими трудовую деятельность на основании патента, Россия, 2016 -2022**



Источник: Данные ГУВМ МВД РФ.

**Рисунок 4. Число иностранных граждан, оформивших патенты (человек) и число уведомлений о заключении трудового договора или гражданско-правового договора с ИГ, осуществляющими трудовую деятельность на основании патента, Москва и Московская область, 2016-2022**



Источник: Данные ГУВМ МВД РФ.

Аналогичная ситуация сохраняется и в 2023 г. Так, например, в Москве за три квартала 2023 г. было оформлено 424 тыс. патентов, в Московской области – 257 тыс.; за этот же период работодатели прислали 238 тыс. уведомлений о заключении договоров с мигрантами с патентами в Москве и 146 тыс. договоров – в Московской области. Таким образом, чуть больше половины трудовых мигрантов с патентами в 2023 г. могли заключить официальные договоры с московскими и подмосковными работодателями (максимум 56% и 57% на конец III квартала 2023 г.).

Ответы респондентов на вопрос: «Назовите Ваш примерный среднемесячный доход, в рублях», – показали, что медиана доходов опрошенных мигрантов составила в 2022 г. 50 тыс. руб., в 2023 г. – 60 тыс.; мода, соответственно, 40 и 60 тыс. руб. Понимая всю ограниченность имеющихся выборок, тем не менее мы склонны утверждать, что рост доходов мигрантов в 2023 г. по сравнению с 2022 г. – не случайность. Аналогичный рост зарплат наблюдался и по России в целом, и по Москве и Московской области, в том числе. Так, по данным Росстата<sup>11</sup>, среднемесячная номинальная начисленная зарплата по России в целом составила в апреле 2022 г. 62,3 тыс. руб., в апреле 2023 г. – 71,2 тыс.; по Московской области аналогичные показатели составили 68,4 и 78,7 тыс. соответственно; по Москве – 120,5 тыс. и 137,3 тыс. Рост наблюдался и при отдельном анализе по отраслям основной занятости мигрантов, (например, строительство и торговля<sup>12</sup>).

Ответы респондентов об официальной и неофициальной получаемой зарплате косвенно подтверждают значительную долю мигрантов, работающих в России неофициально (см. рисунок 2). От 23% в 2022 г. до 36% в 2023 г. заявили, что весь заработок у них – неофициальный (рисунок 5). Отметим, что, рост доли получающих всю зарплату неофициально в опросе 2023 г. по сравнению с 2022 г. столь заметен (в 1,5 раза), что вряд ли является случайностью<sup>13</sup>.

Меньше трети мигрантов работали в 2022 г. и работают в 2023 г. в коллективах, состоящих преимущественно из российских работников (28 и 26% соответственно); от четверти до трети (26 и 33% соответственно) работали там, где заняты и мигранты, и россияне. Наименее конкурентными с россиянами сферами занятости (где большинство респондентов работает преимущественно среди мигрантов) по результатам обоих опросов остаются строительство и ЖКХ.

Ответы респондентов о режиме пребывания в России показывают, что большинство предпочитает работать весь год здесь, а на родину возвращаться только в отпуск (рисунок 6). По сравнению с опросом мигрантов, проведенным Центром миграционных исследований 15 лет назад (Миграция и демографический кризис 2010), выросла доля работающих в России весь год, кроме отпуска (в 2010 г. было 40%, в нашем опросе – 51-55%), и снизилась доля постоянно живущих в России (было 25%, стало 13-12%).

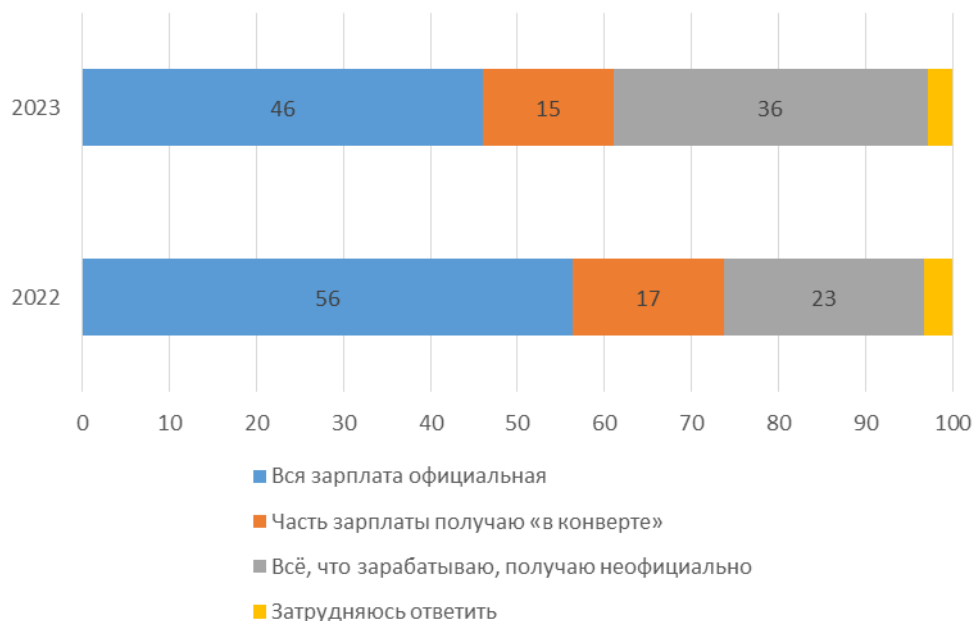
---

<sup>11</sup> Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по субъектам Российской Федерации с 2013 года (по месяцам), рублей, Росстат. [https://rosstat.gov.ru/labor\\_market\\_employment\\_salaries](https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries). Дата обращения 21.11.2023.

<sup>12</sup> Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации с 2013 года. Росстат. [https://rosstat.gov.ru/labor\\_market\\_employment\\_salaries](https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries). Дата обращения 22.11.2023.

<sup>13</sup> Различие между выборками 2022 и 2023 г. статистически значимо на 10%-ном уровне. Автор благодарит за помощь в расчетах зам. директора ИНСАП по науке Карцеву М.А.

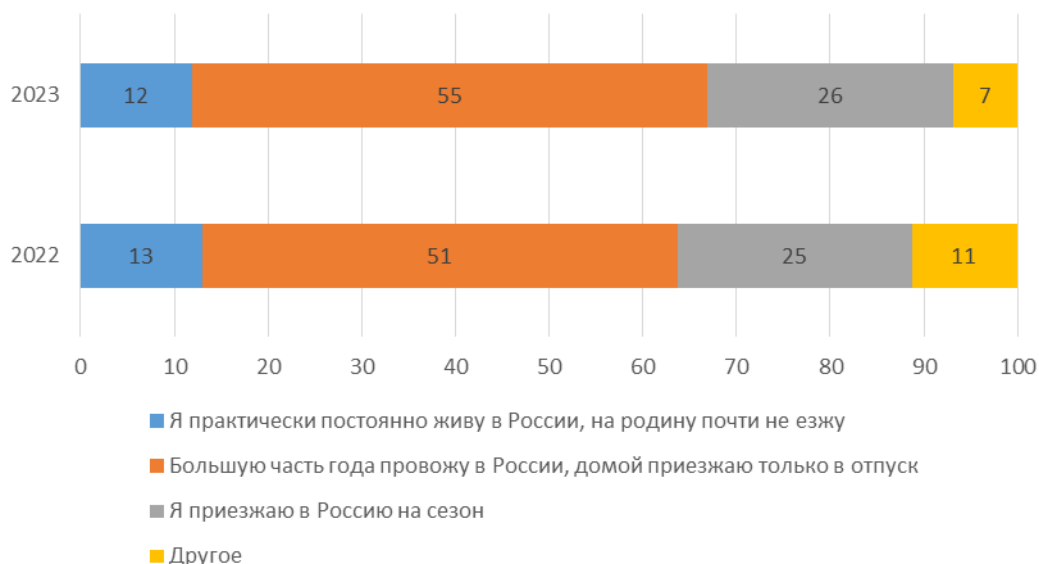
**Рисунок 5. Ответы респондентов на вопрос: «Как Вы получаете зарплату?», %**



Источник: Расчеты автора.

Примечание: N=156 (2022 г.); N=180 (2023 г.).

**Рисунок 6. Ответы респондентов на вопрос: «Какая из приведенных ситуаций соответствует Вашему случаю?», %**



Источник: Расчеты автора.

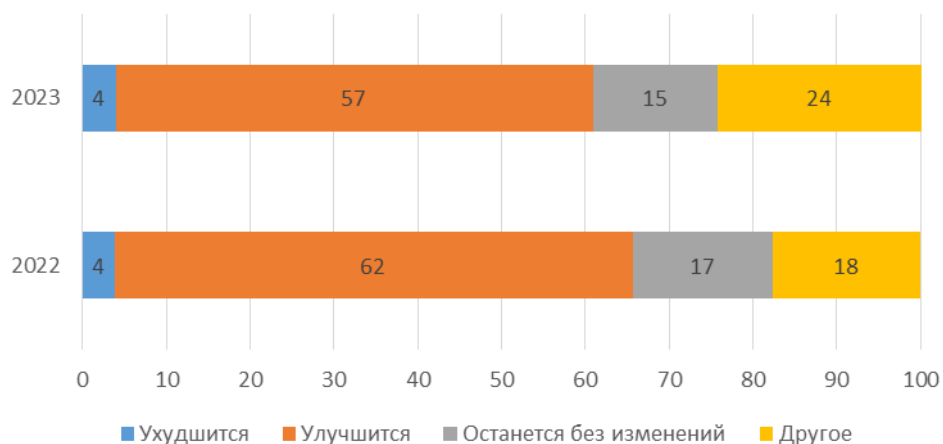
Примечание: N=207 (2022 г.); N=202 (2023 г.).

Большинство опрошенных трудовых мигрантов довольно оптимистично оценивают свое нынешнее положение на рынке труда в России и последствия для себя экономических изменений, вызванных событиями февраля 2022 г. Так, 63% в 2022 г. и 71% в 2023 г.

не заметили никаких последствий произошедшего для своего положения в России. Среди отрицательных последствий 6% респондентов в обоих опросах назвали потерю работы (в то же время все это заявившие на момент опроса работали, т. е., видимо, смогли найти новую); 6-10% заявили о снижении зарплаты; 8% в 2022 г. и всего 5% в 2023 г. говорили о проблемах с переводом денег на родину. Среди ответов в категории «другое» в 2022 г. чаще шла речь о росте стоимости жизни в России, трудностях с работой и задержками зарплаты и соответственно снижении суммы перевода домой: «боимся деньги отправлять из-за курса»; «деньги обесценились, курс упал»; «дороже стали продукты»; «почти не изменилось, цены повысились, трату больше»; «продукты дороже, расходы больше»; «отправляли принудительно в отпуск, за свой счёт, стал меньше отправлять денег родным»; «задержка зарплаты». И в 2022 г., и в 2023 г. говорили о снижении спроса на их труд со стороны российского населения, о проблемах с поиском работы: «снизился экономический уровень населения в России, это повлияло на снижение продаж наших товаров»; «меньше работы стало»; «упали заказы на доставке немножко, до осени». Были и те, кто говорил, наоборот, о росте зарплаты и улучшении собственного положения в России (но такие ответы встречались реже): «стали лучше жить»; «подняли зарплату»; «больше денег стало».

Высок и оптимизм трудовых мигрантов относительно своего ближайшего будущего в России: больше половины ждут улучшения своего положения (рисунок 7). В то же время от 18% до 24% не могут однозначно оценить свои перспективы и находятся в состоянии неопределенности – это все выбравшие категорию «другое». Чаще всего мигранты, выбравшие эту категорию, отвечали «не знаю», «затрудняюсь ответить», «не угадаешь»; неоднократно упоминались высшие силы, от которых это зависит: «только Аллах знает»; «только Всевышний знает»; «не знаю, на всё воля Бога». Единично встречались оптимистичные ответы, предполагающие, что будущее зависит от самого мигранта, от его способности справиться с трудностями: «буду работать больше, чтобы не ухудшалось»; «зависит от меня».

**Рисунок 7. Ответы респондентов на вопрос: «Как вы думаете, в ближайшем будущем ваше положение в России ухудшится, улучшится или останется без изменений?», %**



Источник: Расчеты автора.

Примечание: N=207 (2022 г.); N=202 (2023 г.).

Несмотря на оптимизм в оценках настоящего и будущего своего положения в России, только 40% в 2022 г. и 41% в 2023 г. готовы продолжать работать в России как раньше; а 31% и 25% соответственно хотели бы стать постоянными жителями России (рисунок 8), и эти цифры очень близки к прошлым опросам трудовых мигрантов. Например, в уже упомянутом опросе ЦМИ (Миграция и демографический кризис 2010) доля желающих остаться в России на постоянное жительство составила 27%; аналогичные цифры получены в опросе ВШЭ ЦЭПРИ в 2011 г. (Мукомель 2013). Самые распространенные варианты в категории «другое», как и в ответе на предыдущий вопрос: «не знаю», «пока думаем», «затрудняюсь ответить»; также встречается «хочу остаться, но опасно», «хочу остаться, но не получается», «была бы работа, остался бы».

**Рисунок 8. Ответы респондентов на вопрос: «Какие Ваши дальнейшие планы?», %**



Источник: Расчеты автора.

Примечание: N=207 (2022 г.); N=202 (2023 г.).

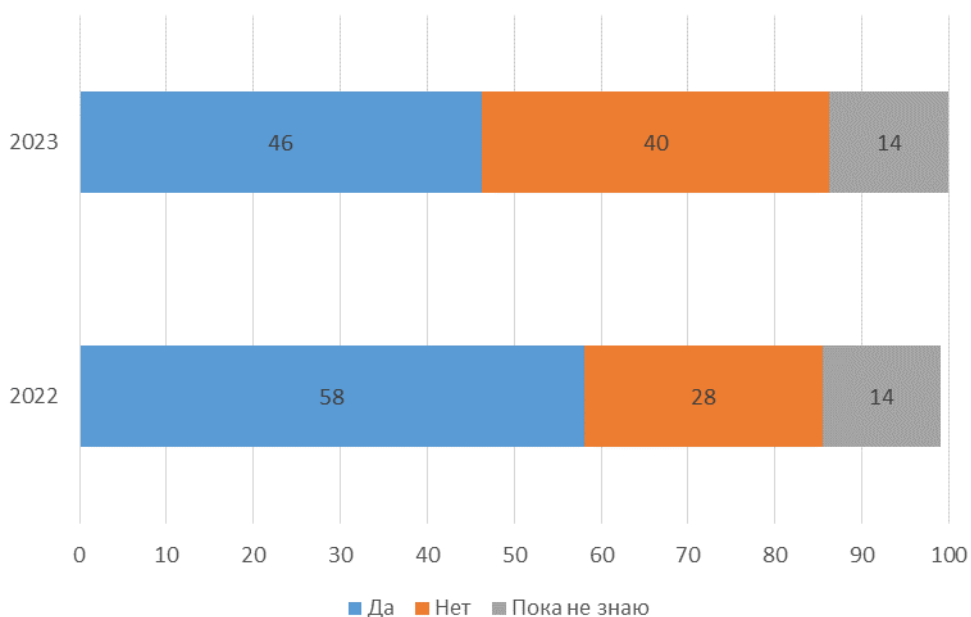
Одновременно из ответов респондентов следует, что озвученные и приведенные на рисунке 8 планы были у них изначально и у большинства они не менялись в связи с происходящим в России: 76% (в 2022 г.) и 81% (в 2023 г.) заявили, что их планы никак не изменились. Лишь каждый пятый в опросе 2022 г. и 15% в опросе 2023 г. отметили изменение планов в связи с происходящими событиями и их последствиями, еще по 4% выбрали вариант «другое». Другое – это, как и в описанных выше ответах, в основном неопределенность: «не знаю», «пока не знаю», «не уверен, думаю».

Те, кто заявил об изменении своих планов, в основном говорили об отрицательном воздействии происходящего на их дальнейшую жизнь и работу в России или о появлении фактора неопределенности, невозможности планировать: «были планы, теперь нет»; «все дорого»; «рухнули планы из-за доллара»; «закрыли фирму, где хотел работать»; «не хочу тут долго быть, уже по горло»; «перестала планировать»; «планировал на два года работать, сейчас год»; «из-за роста цен пришлось отказаться от некоторых планов»; «хотел получать гражданство, ипотеку взять, теперь не знаю пока»; «хотели

гражданство с женой, остаться навсегда, но рубль упал, и из-за всей этой ситуации с Украиной, не знаем»; «хотели остаться, но пока не ясно». С другой стороны, в ответах 2023 г. появились свидетельства изменения первоначальных планов не работать больше в России: «боялась приехать сюда, поэтому была дома 5 месяцев»; «все изменилось, уже хотел уехать, но вернулся опять»; «хотели в Европу, но решили не ехать». Кроме того, ответы в опросе 2023 г. демонстрируют две противоположные тенденции. Мигранты высказывались как о пересмотре ранее существовавших планов по продолжению работы в России и переезда сюда на ПМЖ (постоянное место жительства) («хотел получить гражданство, но из-за СВО не стал»; «не планирую жить в России в дальнейшем»; «собираемся в будущем уехать, мало платят»; «уеду домой»), так и наоборот, о появлении таких планов («хочу остаться и работать тут», «хочу паспорт получить и остаться жить в РФ»).

Несмотря на высказанную большинством респондентов уверенность, что происходящее в России мало влияет на их планы, ответы на вопрос о желании получить в России долгосрочный статус (рисунок 9) достаточно убедительно показывают, что доля желающих стать постоянными жителями нашей страны среди трудовых мигрантов вряд ли будет расти в ближайшее время. Наоборот, в опросе 2023 г. доля планирующих получить в России какой-либо долгосрочный статус снизилась на 13 п.п. в сравнении с 2022 г., а доля не имеющих таких планов, наоборот, на 12 п.п. выросла.

**Рисунок 9. Ответы респондентов на вопрос: «Собираетесь ли Вы получить какой-либо долгосрочный статус в России (РВП, ВНЖ, гражданство)?», %**



Источник: Расчеты автора.

Примечание: N=197 (2022 г.); N=190 (2023 г.). ВНЖ – вид на жительство, РВП – разрешение на временное проживание.

Сделанный вывод подтверждается статистикой выдачи долгосрочных статусов в 2023 г. по сравнению с 2022 г. Так, за три квартала 2023 г. мигрантами из трех стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), которые составили большинство

респондентов в наших опросах, было получено суммарно 276 тыс. долгосрочных статусов (РВП, ВНЖ и гражданство); за аналогичный период 2022 г. – 314 тыс.<sup>14</sup> Таким образом, в 2023 г. получение статусов сократилось на 12% и это сокращение коснулось всех трех категорий без исключения (в большей степени, РВП и ВНЖ).

## Заключение

Трудовая миграция в Россию продолжает оставаться значимой стратегией для мигрантов из стран Средней Азии – Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Об этом говорят данные как публикуемой МВД РФ миграционной статистики, так и проведенных в 2022-2023 гг. опросов мигрантов в московском регионе, в ММЦ Сахарово. Экономические последствия вооруженного конфликта с Украиной не вызвали массового оттока трудовых мигрантов из России в целом и из московского региона, в частности, однако и не способствовали значительному росту притока, ожидавшемуся после отмены пандемийных ограничений. Опрос в московском регионе, где работают более 40% всех иностранных трудовых мигрантов, показал, что и в 2022, и в 2023 г. мигранты довольно позитивно оценивают свое текущее положение на рынке труда в России, около двух третей не заметили никаких отрицательных последствий для себя произошедших событий. Довольно оптимистичны мигранты и в оценке своего ближайшего будущего в России: больше половины считают, что их положение здесь улучшится. В то же время заметно число тех, кто не уверен в своих перспективах дальнейшей работы здесь и в целом не готов говорить о реальных перспективах своего будущего именно в России.

Опросы также показали сохранение значительной доли трудовых мигрантов, работающих в московском регионе неофициально и получающих всю зарплату «в конвертах», несмотря на оформленные документы для работы. Данный вывод также подтверждается статистикой уведомлений о заключении договоров с мигрантами, присланных работодателями в миграционные органы.

От 76% до 81% опрошенных трудовых мигрантов заявили, что их первоначальные планы остались неизменными, несмотря на всю неопределенность экономической ситуации в России и турбулентность на рынке труда. С другой стороны, ответы и имеющаяся миграционная статистика показывают, что на фоне происходящего доля желающих стать постоянными жителями России и получить здесь долгосрочные статусы в 2023 г. сократилась и это коснулось всех статусов без исключения (РВП, ВНЖ и гражданства).

Особо стоит отметить, что опросы и существующая статистика помогают сформировать представление о текущей ситуации в сфере иностранной трудовой миграции в Россию и отчасти о ближайшем будущем, однако не позволяют делать длительных прогнозов. Более того, сокращающийся объем миграционной статистики, публикуемой ГУВМ МВД РФ, а также методологическая несопоставимость в динамике и сегментированность доступных статистических показателей затрудняют прогнозирование трудовой миграции даже на среднесрочную и краткосрочную перспективу.

---

<sup>14</sup> Данные ГУВМ МВД РФ.

## Литература

- Агаджанян В., Зотова Н. (2011). Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве. *Демоскоп Weekly*, 465-466.  
<http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php>
- Варшавер Е.А., Рочева А. Л., Кочкин Е., Кулдина Е. (2014). *Киргизские мигранты в Москве: результаты количественного исследования интеграционных траекторий*. Препринт. М.: ЦИМЭ РАНХиГС.
- Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б. (2014). Мобильность иностранных работников на российском рынке труда. *Социологические исследования*, 4, 63-73.
- Деминцева Е.Б., Пешкова В.М. (2014). Мигранты из Средней Азии в Москве. *Демоскоп Weekly*, 597-598. <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/demoscope597.pdf>
- Денисенко М.Б., Мукомель В.И. (2020). Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии. *Демографическое обозрение*, 7(3), 84-107.  
<https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637>
- Тюрюканова Е.В. (Ред.) (2011). *Женщины-мигранты из стран СНГ в России* М.: МАКС Пресс
- Капелюшников Р.И. (2022). Анатомия коронакризиса через призму рынка труда. *Вопросы экономики*, 2, 33-68. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-2-33-68>
- Ларин А.Г. (2009). Китайские студенты в России (по материалам социологического исследования). *Проблемы Дальнего Востока*, 4, 91-111.
- Литовченко А.М., Чудиновских О.С. (2022). О влиянии наличия гражданства принимающей страны на некоторые социально-экономические характеристики мигрантов и их положение на рынке труда. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 1(53), 143-162.  
<https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-7>
- Ляшок В.Ю. (2022). Санкции пока не вызвали роста безработицы. *Экономическое развитие России*, 29(4), 50-52.
- Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В. (Ред.) (2010). *Миграция и демографический кризис в России* М.: МАКС Пресс
- Мукомель В.И. (2013). *Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски*. Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига.
- Мукомель В.И. (2017). Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда. *Статистика и экономика*, 6, 69-79.  
<http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>
- Мукомель В.И. (2020). Высококвалифицированные мигранты из постсоветских государств: трудовая мобильность. *Социологический журнал*, 26(2), 31-59.  
<https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7264>
- В.И. Мукомель, К.С. Григорьева (Ред.) (2022). *Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы*. М., ФНИСЦ РАН
- Захаров С.В. (Ред.) (2016) *Население России 2014: Двадцать второй ежегодный демографический доклад*. М.: Изд. дом ВШЭ.



- Захаров С.В. (Ред.) (2022) *Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад*. М.: Изд. дом ВШЭ. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2554-8>
- Синельников-Мурылев С.Г. (Ред.) (2016). *Российская экономика в 2015 году. Тенденции и перспективы*, Вып. 37. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Кудрин А.Л., Радыгин А.Д., Синельников-Мурылев С.Г. (Ред.) (2020). *Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы*, Вып. 41. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Кудрин А.Л., Мау В.А., Радыгин А.Д., Синельников-Мурылев С.Г. (Ред.) (2022). *Российская экономика в 2021 году. Тенденции и перспективы*, Вып. 43. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Рязанцев С.В., Кашепов А.В. (2021). Трудящиеся-мигранты на российском рынке труда в период пандемии COVID-19 – противоречия между интересами бизнеса и реальной политикой. *Социальная политика и социология*, 20(3) (140), 155-164. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2021-20-3-155-164>
- Флоринская Ю. (2012). Миграция семей с детьми в Россию: проблемы интеграции (по материалам социологических опросов Центра миграционных исследований). *Проблемы прогнозирования*, 4, 118-126
- Флоринская Ю.Ф. (2013). Трудовые мигранты – выходцы с Памира: работа и жизнь в России (по результатам исследований в Московском регионе), *Вопросы географии*, 135, 443-463.
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. (2015). *Миграция и рынок труда*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Чудиновских О., Денисенко М., Мкртчян Н. (2013). Временные трудовые мигранты в России. *Демоскоп-Weekly*, 579-580. <https://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/tema01.php>
- Е.М. Аврамова, А.Я. Бурдяк, Е.Е. Гришина и др. (2015). *Экономический кризис - социальное измерение: информационно-аналитический бюллетень*, Выпуск 3. М.: Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. <https://www.ranepa.ru/images/docs/bulleten/bulletin-3.pdf>
- Demintseva E. (2017). Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43(15), 2556-2572.
- Poletaev D.V. (2021). Pregnancy, childbirth and health of female labour migrants from Central Asia in Russia. *Population and Economic*, 5(4), 50-65. <https://doi.org/10.3897/popecon.5.e73815>
- Florinskaya Y., Mkrтчyan N. (2021). Migration: Main Trends in January-February 2021. *Monitoring of Russia's Economic Outlook. Trends and Challenges of Socio-Economic Development Moscow, IEP*, 10, 13-16. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3864043>
- Florinskaya Yu.F. (2022). Female Labor Migration to Russia: Number, Donor Countries, Niches in the Labor Market. *Studies on Russian Economic Development*, 33(1), 55-64. <https://doi.org/10.1134/S1075700722010075>